

RU

Представление о радости в русской, французской и китайской культурах

Голованивская М. К., Ефименко Н. А.

Аннотация. В статье исследуется понятие «радости» в трех языковых картинах мира - русской, французской и китайской. Исследование является контрастивным, полученные результаты сопоставляются. Описание каждого понятия производится по четкому алгоритму: исследуются этимология слова, мифологические корни понятия, его сочетаемость, из сочетаемости вычленяется вещественная коннотация по В. А. Успенскому, производится сопоставление словарных дефиниций. Цель исследования - на материале семантического поля в русском, французском и китайском языках выявить особенности представления понятия «радость» в разных культурах, далее проводя сопоставление с целью увидеть сходства и различия в мировоззренческой картине разных народов. Данная тема является слабоизученной, ранее не наблюдалось лингвокультурологических исследований, анализирующих русскую, французскую и китайскую культуры, что составляет научную новизну данной работы. В результате удалось установить четкую разницу представлений о радости в трех изучаемых культурах. Полученные результаты будут содействовать установлению взаимопонимания между культурами, образуя своего рода понятийный мост.

EN

The Idea of Joy in Russian, French and Chinese Cultures

Golovanivskaya M. K., Efimenko N. A.

Abstract. The paper explores the notion of “joy” in three linguistic worldviews - Russian, French and Chinese. The study is contrastive, the results are compared. The description of each notion is carried out according to a clear algorithm: the etymology of the word, the mythological roots of the notion, its collocability are investigated, the material connotation according to V. A. Uspensky is isolated from the collocability, the dictionary definitions are compared. The purpose of the research is to identify the peculiarities of representation of the notion of “joy” in different cultures using the material of the semantic field in Russian, French and Chinese, at the same time conducting a comparison in order to see similarities and differences in the worldview of different peoples. This topic is underexplored, there have been no linguocultural studies analysing Russian, French and Chinese cultures, which accounts for the scientific novelty of the work. As a result, the researchers have been able to determine a clear difference in the ideas of joy in the three cultures studied. The research findings will contribute to the establishment of mutual understanding between the cultures, forming a kind of conceptual bridge.

Введение

Данная работа – контрастивное исследование. В нем изучаются представления о базовой эмоции – радости – в трех культурах: русской, французской и китайской. Актуальность исследования – в необходимости построения лучшего взаимопонимания между Востоком и Западом, Россией и Китаем. Исследование проведено сравнительно-историческим методом, методами сопоставления данных, методом понятийной реконструкции на основании данных языка. Сам метод исследования был защищен в качестве докторской диссертации одним из авторов статьи – профессором М. К. Голованивской. За разработку этого метода М. К. Голованивская была удостоена Шуваловской премии. Описание понятия радости в трех указанных культурных измерениях отличается полной новизной: такие попытки до этого момента не предпринимались.

Итак, для достижения цели исследования необходимо решить три задачи: описать понятие радости в русском языке, описать понятие радости во французском языке и далее – проделать то же самое с китайским языком. Именно на такие три части и распадается эта статья.

Очевидно, что понятие радости в русском языке исконно русское и опирается на славянский миф. Представление французское исходит из античного корня, в то время как китайская трактовка сугубо аутентичная и опирается на внутрениий культурно-понятийный субстрат. Важно понимать, что радость – базовая эмоция, то есть она есть и у новорожденных, за ней стоит чистая биология и психофизиология. Но мы все по-разному интерпретируем эту эмоцию, резюмируя тот культурный код, который в каждой культуре по-разному кодирует эмоции как таковые и радость в частности.

В статье использован лингвистический метод, то есть, анализируя слова, понятия, мы восходим к представлениям, двигаемся от частного к общему. Мы используем сравнительный метод, метод реконструкции картины мира, опирающийся на анализ мифологического субстрата, этимологии, сочетаемости исследуемого понятия.

В качестве материала исследования были привлечены следующие словарные источники:

Большой китайско-русский словарь. URL: <https://bkrs.info>

Даль В. И. Толковый словарь. М., 1955.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. СПб., 1996.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1994.

Dauzat A. Dictionnaire étymologique. P., 1939.

Dictionnaire de l'ancien français. P., 1968.

Dictionnaire historique de la langue française. P., 1992.

北京语言学院语言教学研究所. 现代汉语频率词典. 北京, 1986年 (Частотный словарь современного китайского языка. Пекин, 1986).

汉语大字典编辑委员会. 汉语大字典 (第二版缩印本). 成都, 2018年 (Большой словарь китайских иероглифов. Изд-е 2-е, сокращ. Чэнду, 2018).

李学勤. 字源. 天津: 天津古籍出版社; 沈阳: 辽宁人民出版社, 2013年 (Этимологический словарь иероглифов / под ред. Ли С. Тяньцзинь: Тяньцзиньское издательство древних книг; Шэньян: Народное издательство провинции Ляонин, 2013).

商务印书馆辞书研究中心. 新华成语词典. 北京, 2015年 (Фразеологический словарь Синьхуа. Пекин, 2015).

中国社会科学院语言研究所词典编辑室. 现代汉语词典 (第7版). 北京, 2016年 (Словарь современного китайского языка. Изд-е 7-е. Пекин, 2016).

中国社会科学院语言研究所. 新华字典 (第12版). 北京, 2020年 (Словарь иероглифов Синьхуа. Изд-е 12-е. Пекин, 2020).

Практическая значимость исследования заключается в том, что материалы исследования не только выявляют менталитет различных народов, но и пополняют базу сопоставительного анализа абстрактных понятий для весьма неблизких по мировоззрению культур.

Материал, собранный в статье, а также полученные выводы могут использоваться в курсах по регионоведению, в ходе преподавания русского, французского и китайского языков, при подготовке переводчиков, дипломатических работников, менеджеров интернациональных компаний.

Основная часть

Представление о радости в русской культуре

Рассмотрим синонимический ряд: *радость, ликование и восторг*.

Этимологически *радость* восходит к *радуге*. В основе понятия – реакция психики на яркие цвета, отмечающаяся в чистом виде даже у новорожденных. В русском языке слово *радуга* отмечено с 1731 года.

Радость в трактовке Владимира Даля (1955) определяется как внутреннее чувство удовольствия, в современных словарях – как чувство большого удовольствия, удовлетворения. Однако определение радости через удовольствие имеет нюансы, описанные, в частности, в работе А. Б. Пеньковского (1991, с. 148-155). Радость, в отличие от удовольствия, может быть беспричинной. Причина же удовольствия осознается всегда.

А. Б. Пеньковский (1991) реконструирует персонифицированный образ радости: «...под определяющим влиянием христианской идеи радости и с участием мощных токов европейской традиции – в русской поэтической картине мира складывается и достраивается мифологический образ Радости как живущего на грани двух миров, земного и небесного, прекрасного женственного существа с лицом неземной красоты, с глазами-очами, излучающими небесный свет, с несущим тепло “легким дыханием”, с добрыми теплыми руками, с легкими ногами-стопами... с легкими, но мощными крылами, на которых она улетает и прилетает, окрыляя человека и одаряя его способностью лететь на крыльях радости» (с. 167). Радость ассоциирована в русском сознании с двумя стихиями – с огнем и жидкостью (см. описание радости у В. А. Успенского (1979): «...радость – легкая светлая жидкость... (в противовес горю, которое коннотируется как тяжелая тягучая жидкость. – М. Г.) Радость тихо разливается в человеке, иногда бурлит, играет, искрится, переполняет человека, переплескивается через край. По-видимому, она легче воздуха: человек от радости испытывает легкость, идет, не чуя земли под ногами, парит и, наконец, улетает на седьмое небо» (с. 146-147, 151)).

И последняя, крайне существенная и также подмеченная А. Б. Пеньковским (1991) особенность русской радости – ее альтруистичность: радость можно испытывать за другого, удовольствие за другого получить невозможно. «Показательно поэтому, – пишет автор статьи, – что глагол “радоваться”, как и прилагательное “рад”, управляет дательным падежом, в котором значение эмоционального каузатора совмещается со значением адресата: радость возвращается тому, кто является ее источником» (с. 148-155). Радость не только альтруистична, но и межличностна, ею, в отличие от удовольствия, можно заразиться и заразить, поделиться.

Ликование и восторг никак не могут быть отнесены к базовым эмоциям хотя бы потому, что они свойственны исключительно человеку, причем человеку социальному. Ликование, этимологически восходящее к *лика́м*, то есть к радостным крикам и возгласам (Фасмер, 1996), отражает не столько саму эмоцию, сколько определенный тип поведения, сопровождающий при определенной конвенции выражение радости. Так, ликование всегда открыто для наблюдения, сопровождается жестикомуляцией и радостными криками и поэтому не является интимным переживанием. В современном языке это слово описывается подобно панике, как поведение толпы, употребляется крайне ограниченно и не дает нам возможности провести какие-либо реконструкции его мифологического образа или контекста.

Также обязательны внешние проявления такой разновидности радости, как восторг. В этимологии этого слова мы впервые сталкиваемся со скрытой метафорой всего поля слов, описывающего радостное состояние человека как «состояние приподнятого духа» (см. об этом также у Дж. Лакоффа и М. Джонсона (1990, с. 390) об ориентационной метафоре «счастье – верх; грусть – низ»), ведь восторг корнями своими связан со словом «торчать» (Черных, 1994). Это же прослеживается и в синонимическом ряду, приводимом В. И. Далем (1955): *восторгать*, *восторгнуть*, *подымать вверх*, *вырывать* и пр. Это может наводить на очевидные аналогии с неким определенным плотским состоянием. Вероятно, это связано также с реакцией первобытного сознания на восход солнца (по аналогии: солнечное затмение вызывало неопишущий ужас) и также через солнце и огонь как вечные символы мужественности может давать почву для невысказанного нами предположения. У слова *восторг* существует сочетаемость, приближающая его к «радости»: восторг возможно передать кому-либо и разделить с кем-либо. Восторг, имея этимологическую связь с латинским глаголом *trahere* – «влек, тянуть», а также «терзать» и имея в древнерусском языке значение «дрожь», «судороги» (Черных, 1994) («восторгать» непереходное – «дрожать, биться» о людях), сохранил сочетаемость, трактующую это состояние как болезнь: *безумный*, *бешенный восторг*, *дикий восторг*. Восторг есть также некое статическое, хотя и мимолетное состояние, оно не знает градаций и описывается при помощи глаголов, создающих метафору «территории, места» – *прийти в восторг*, *привести в восторг*. В русском языке *восторг* может также охватить кого-либо, однако эта сочетаемость характерна для чувств и эмоций как таковых и не является специфической характеристикой именно восторга.

Трактовка радости и удовольствия, предложенная известным психоаналитиком Э. Фроммом (1990, с. 125-127), в полной мере отражает европейскую концепцию и мифологическую картину этих понятий. Предваряя этот анализ, отметим, что русский язык, как мы видели, отражает позицию высшей нравственности, что в большой степени объясняет тот факт, что русские зачастую эстетическим критериям предпочитают этические.

Представление о радости во французской культуре

Французскими эквивалентами рассмотренных нами русских слов *радость* и *ликование*, безусловно, являются *joie* и *jubilation*.

Joie (n.f.) зафиксировано во французском языке с XI века и произошло от латинского *gaudia*, множественного числа от *gaudium* «удовлетворение, удовольствие», «чувственное удовольствие, сладострастие», «человек – источник удовольствия» (Dauzat, 1939). *Gaudia* – слово разговорного языка, где оно фигурировало как существительное женского рода, однако в старофранцузском языке это слово чаще всего оформляется как существительное мужского рода.

В XI веке это слово обозначает «чувство сильного счастья» и употребляется для обозначения в первую очередь проявлений этого чувства. Латинское значение, связанное с проявлениями любви и ласки, исчезло к XIII веку, оставив след лишь в выражении *fille de joie* (*Dictionnaire de l'ancien français*, 1968). До XVI века это слово обозначало также «украшение» благодаря народно-этимологическому сближению с *joyau*. Метонимический смысл «коллективная радость» остался только в диалектах и в выражении *feu de joie*. С XVIII века зафиксировано антифрастическое употребление этого слова в значении «горе, неудовольствие» (*Dictionnaire historique de la langue française*, 1992).

В современном языке *joie* определяется как глубокая приятная эмоция, овладевающая всем существом человека. Это слово имеет следующую сочетаемость:

Causer, provoquer, éprouver, goûter, ressentir, manifester, montrer, témoigner de la joie; contenir, cultiver, dire, exprimer, extérioriser sa joie; combler, remplir, bondir, pétiller, délirer, exulter de joie; être envahi de joie; s'abandonner, se livrer à la joie; une joie éclate, rayonne, se lit, se communique; être fou, transporte de joie; une joie ardente, extrême, vive, folle, extatique, ineffable, indicible, indescriptible, délirante, excessive, bruyante, puérile, austère, intime, insigne, pure, légitime, maligne, méchante, cruelle, communicative, tendre, courte, de courte durée, longue, passagère, éphémère (вызывать, провоцировать, пригублять, ощущать, выражать, демонстрировать, культивировать, переполняться, наполняться, сходить с ума от радости, радость взрывается в человеке, быть охваченным радостью, быть безумным от радости, предаваться радости, радость пылкая, огненная, крайняя, чрезмерная, жгучая, живая, безумная, юношеская, невыразимая, чистая, законная, законная, хитрая, страшная, зловещая, коварная, нежная, короткая, длинная, мимолетная, эфемерная).

Из приведенной сочетаемости мы видим, что радость во французском языке осмысливается в пределах нескольких как четко, так и нечетко очерченных коннотаций: текст, крылья, человек, цветок.

Удовольствие, по Фромму, это достижение пика удовольствия, после которого наступает чувство печали, и печаль эта связана с тем, что внутри нас ничего не изменилось.

Не следует, естественно, упрощать или идеализировать послылки Эриха Фромма (1990), прежде всего ставившего перед собой цель «психотерапевтировать» американское общество, а не навязывать ему новые невротические установки. Понятно, и он пишет об этом, что и богатство, и успех – ценности, они дают и удовлетворение, и удовольствие, и радость, в зависимости от того, домысливаем мы, какой именно процесс это «запускает в человеке».

Добавим, что французская радость может быть также и пылкой, и аскетичной, и юношеской, и интимной, иначе говоря, радость во французском языке описывается через признаки человеческого характера. Несколько французских глаголов приоткрывают для нас интересные аспекты взаимоотношений человека и радости. Выражение *cultiver sa joie* описывает радость как цветок, а человека как садовника (общее коннотативное поле с *sentiment*). Проявления радости наряду с обычными их формами описываются во французском языке, в частности, и при помощи глагола *extérioriser*, отличающегося от обычного *exprimer* акцентом на осознанности проявления: *extérioriser* «нечто» можно лишь после того, как принято соответствующее решение, иначе говоря, перед нами зафиксированный в языке отрефлексируемый способ проявления базовых эмоций, которые, как мы утверждали вначале, должны проявляться произвольно, и культура обработала эту произвольность в соответствии со своей специфичностью.

Некоторая сочетаемость французской «радости» описывает человека как емкость, которую можно наполнить (не только радостью, но, видимо, и многими другими чувствами). Однако у нас нет «сильных» оснований считать, что радость в одной из своих ипостасей мыслится как жидкость, ведь ею можно и *remplir* (наполнить), и *combler* (переполнить) – второй глагол, в отличие от первого, не подразумевает оперирования лишь жидкостями и им подобными веществами. Внезапная вспышка радости описывается во французском языке при помощи глагола *éclater*, что позволяет нам увидеть скрытую оппозицию *angoisse, anxiété, détresse – joie*, поскольку взрыв, расширение есть действие, обратное сжатию. Возможно, именно это употребление является наиболее старым из других метафорических сочетаний, поскольку ассоциирует радость также и с солнцем, восход которого однозначно вызывал восторг у человека.

Представление о радости в китайской культуре

Китайское семантическое поле понятия «радость»: 快乐 *kuàilè*, 高兴 *gāoxìng*, 开心 *kāixīn*, 喜悦 *xǐyuè*, 愉快 *yúkuài*.

Для конкретики проводимого анализа эти лексемы были тематически разделены на 3 группы: 1) длительная радость; 2) радость, проявляемая в эмоциях; 3) внутренняя радость.

1. Длительная радость. В данную группу входит лексема 快乐 *kuàilè*, состоящая из двух морфем: 快 *kuài* и 乐 *lè*.

Иероглиф 快 *kuài* является иероглифом фонетической категории, семантически связанным с ключом 忄 «сердце», и читается как 夬 *guài*. Изначальное значение лексемы – «страсть от сердца, то есть радость» (李学勤, 2013, с. 926).

Иероглиф 乐 *lè* является иероглифом идеографической категории. Если в изначальном иероглифе рассматривать верхнюю и нижнюю части, то верхняя часть обозначает струны, а нижняя часть – деревянную конструкцию предмета. Таким образом, изначальным значением слова было «музыкальный инструмент»; потом иероглиф стал обозначать понятие музыки, далее в переносном смысле – радость или веселье, как чувство, появляющееся при прослушивании музыки (陈政, 1986, с. 155-156).

Лексема 快乐 *kuàilè* обозначает счастье как состояние человека в какой-то промежуток времени, поэтому для всех праздничных пожеланий в китайской культуре используется именно данная лексема: «中秋快乐» *zhōngqiū kuàilè* / «С праздником Середины осени!», «生日快乐» *shēngrì kuàilè* / «С днем рождения!», «新年快乐» *xīnnián kuàilè* / «С Новым годом!». Когда высказывают пожелание радости и здоровья, можно сказать только «健康快乐» *jiànkāng kuàilè*, но здесь подразумевается длительность данного состояния.

При сочетании с существительными слово 快乐 *kuàilè* может обозначать состояние радости определенного объекта, где в любом контексте показана неопределенная длительность данного состояния: 快乐的童年 *kuàilè de tóngnián* «радостное детство», 快乐时光 *kuàilè de shíguāng* «радостное время», 快乐的小鸟 *kuàilè de xiǎo niǎo* «радостная птичка», 快乐的工作 *kuàilè de gōngzuò* «радостная работа».

В буддизме существует понятие *Sukhavati*: это созданный силой обета будды Амитабы мир, куда хотят попасть все люди, исповедующие эту религию. При переводе на китайский язык чаще всего используется слово 极乐世界 *jílè shìjiè*, что в прямом переводе обозначает «Мир чрезвычайной радости» (北京语言学院语言教学研究所, 1986). Данное понятие подробно описано в основополагающем памятнике буддизма «Амитабхасутре», в том числе там дается объяснение, почему чистая земля так называется по-китайски: «其国众生, 无有众苦, 但受诸乐, 故名极乐». *Qí guó zhòngshēng, wú yǒu zhòng kǔ, dàn shòu zhū lè, gù míng jílè.* / «Все люди в этой стране никогда не будут чувствовать страдания, они могут наслаждаться всеми видами радости, которые находятся только в этом мире и которые поэтому называются «чрезвычайная радость»» (杨萍, 1997, с. 5).

Именно с помощью лексемы 乐 *lè* передается то значение радости, которое никогда не заканчивается, что является еще одним доказательством длительности, а не мгновения данного описания радости.

2. Радость, проявляемая в эмоциях. В эту группу входят две лексемы: 高兴 *gāoxìng* и 开心 *kāixīn*.

Лексема 高兴 *gāoxìng* состоит из двух морфем: 高 *gāo* и 兴 *xìng*.

Иероглиф 高 *gāo* является иероглифом изобразительной категории. Изначально его значение – «далекий»; в период Чунью он приобрел значение «высота от земли» (李学勤, 2013, с. 473). В современном китайском

языке главным значением лексемы 高 gāo является «высокий»; сочетаясь с другими лексемами, она часто обозначает что-то элитное, то, что лучше нормы: 高手 gāoshǒu «мастер/специалист», 高年龄 gāoniánlíng «преклонный возраст», 高人 gāorén «выдающийся человек», 高级 gāojí «высокосортный», 高论 gāolùn «высокое учение».

Иероглиф 兴 xīng является иероглифом идеографической категории; изначальным его значением было «общими усилиями поднимать что-то тяжелое», то есть «поднимать что-то» (李学勤, 2013, с. 206).

В современном китайском языке изначальное значение подъема в лексеме 高兴 gāoxìng сохранилось, но, кроме него, еще появилось значение начала чего-то и значение интереса или воодушевления. Если отдельно рассматривать данную лексему, то можно заметить, что она никак не связана с радостью, и только когда она соединяется с другими лексемами, в ее семантике преобладает значение радости. Общее, что соединяет данные лексемы, – это обозначение чего-то высокого. Поэтому радость, которая тут обозначается, тоже должна быть высокой. Неслучайно данное слово чаще всего используется при общении в высоком стиле. Например, при встрече с незнакомыми людьми, присутствии на важных мероприятиях, проведении официальных бесед и т.д. для выражения радости используется данное слово. Как пример можно привести общеизвестную фразу, которую китайцы говорят при знакомстве: «认识你我很高兴!» Rènshí nǐ wǒ hěn gāoxìng! / «Рад познакомиться с вами!», где 高兴 gāoxìng является единственным словом для обозначения радости, которое в данном контексте можно использовать.

Лексема 开心 kāixīn состоит из двух морфем: 开 kāi и 心 xīn.

Иероглиф 开 kāi является иероглифом идеографической категории. На нем было изображено, как человек двумя руками тянет дверную задвижку, поэтому изначальное значение лексемы было «открыть дверь» (李学勤, 2013, с. 1041). В китайском языке эта лексема также ассоциируется с открытием внутреннего мира человека, с вдохновением человека. Связь радости с данной лексемой можно увидеть из чэньюя 开怀大笑 kāihuái dà xiào (прямой перевод «открывая свою душу, сильно смеяться»); данный пример показывает связь сильной радости, а именно смеха, с открытием внутренних и душевных эмоций человека, что играет важную роль в современном китайском языке.

Иероглиф 心 xīn является иероглифом изобразительной категории, появившимся при использовании письменности цзягувэнь. Изначальное значение иероглифа – «сердце». Далее иероглиф стал ассоциироваться с различными абстрактными понятиями, которые в китайском мировоззрении связываются с сердцем: душа, чувства, мысли и т.д. (李学勤, 2013, с. 924). Если разобрать чэньюй, описывающие внутренние чувства человека, то перед нами появится следующая картина: 大快人心 dàkuài rénxīn «вызывать всеобщее чувство удовлетворения», 心满意足 xīnmǎnyìzú «быть полностью удовлетворенным», 心旷神怡 xīnkūàngshényí «сердце безмятежно», 赏心悦目 shàngxīnyuèmù «получать эстетическое удовольствие». Таким образом, можно заметить, что ни одна из идиом не описывает радость напрямую, а все они описывают именно чувство удовлетворенности или удовольствия. Если дать прямой перевод лексемы 开心 kāixīn, то можно получить следующее: «открыть сердце». Но в современном китайском языке значение, описывающее открытие внутреннего мира человека, утрачено. Если посмотреть в различные словари современного китайского языка, то можно найти 2 значения этой лексемы: 1) радоваться; 2) насмехаться над (кем-л.). Когда люди, описывая радость, используют данную лексему, подразумевается выплескивание эмоций, не зависящее от добра и зла действия, где единственной целью является удовлетворение инициатора действия. Получается, что значение лексемы 开心 kāixīn как «вразумление или вдохновение души» было утрачено и в современном языке остался только результат данных чувств, то есть удовлетворение.

3. Внутренняя радость. В данную группу входят 2 лексемы: 喜悦 xǐyuè и 愉快 yúkuài.

Лексема 喜悦 xǐyuè состоит из двух морфем: 喜 xǐ и 悦 yuè.

Иероглиф 喜 xǐ является иероглифом идеографической категории, появившимся при использовании письменности цзягувэнь. Если изначальный иероглиф разделить на верхнюю и нижнюю части, то верхняя часть 豆 zhòu обозначает барабан, а нижняя часть 口 kǒu – людей. Поэтому изначальное значение было «чувствовать радость от слушания барабанного боя» (李学勤, 2013, с. 426). Барабанный бой означает проведение церемоний или каких-то важных и торжественных праздников, поэтому и появилась такая ассоциация.

В китайской мифологии есть бог Радости, который обозначается именно с помощью данного иероглифа: 喜神 xǐshén. Радость является психологическим состоянием, и данный бог не может принести осязательного результата. Поэтому его самая большая особенность заключается в абстрактности, так как у него нет своего храма или даже определенного образа. Но этот бог благословляет все важные события в жизни человека, поэтому свадьба в китайском языке еще называется 喜事 xǐshì, что прямо переводится как «радостное дело». Также 喜 xǐ может обозначать беременность, потому что рождение детей в китайской традиции – едва ли не самое важное событие в жизни человека, а тот момент, когда люди узнают о начале процесса беременности, как раз и является началом этой радости и счастья. Когда люди говорят о хороших известиях, то используют слово 喜讯 xǐxùn «радостная новость», а когда говорят о передаче хороших новостей, то употребляют 报喜 bàoxǐ «сообщать о радости». Это показывает, что в китайском языке радость с использованием данного элемента ассоциируется с положительным началом, а также подчеркивает распространение данной радости другим людям, чтобы передать им через новости хорошее настроение.

Иероглиф 悦 yuè является иероглифом фонетической категории. В древности вместо 悦 yuè долгое время использовался иероглиф 说 shuō (李学勤, 2013, с. 179). Для понимания значения 悦 yuè нужно сначала проанализировать иероглиф 兑 duì. Изначальное значение иероглифа 兑 duì было «острый» или «быстрый». Одновременно он является первоначальным начертанием иероглифа 悦 yuè со значением смеха (李学勤, 2013, с. 757).

Если разделить иероглиф 说 shuō на левую и правую части, то увидим, что ключ 讠 yán служит для обозначения речи, но этот ключ 讠 yán был изменен на ключ 讠 xīn, который указывает на связь значения лексемы с психологической деятельностью человека. Поэтому примерное значение иероглифа 悦 yuè было «смех и радость души». Таким образом, мы видим, что лексема 喜悦 xǐyuè связана с сильной радостью, так как часто употребляется при описании радости важных событий в жизни человека, однако лексема 悦 yuè подчеркивает факт того, что такая радость является внутренней. Люди часто используют словосочетание 难掩喜悦之情 nán yǎn xǐyuè zhī qíng «не получается скрыть чувства радости» для описания чрезвычайной радости, что как раз показывает, что выражение таких чувств есть уход от нормы, потому что когда человек способен, он должен их скрывать, ведь лучше, чтобы другие люди сами догадались о твоей радости, чем самому о ней рассказать. Недаром в китайском языке существует слово 窃喜 qiè xǐ «тайно ликовать»: существование данного слова также показывает, что лучше прятать радость, чем показывать ее на публику.

Лексема 愉快 yúkuài состоит из двух морфем: 愉 yú и 快 kuài.

Иероглиф 愉 yú является иероглифом фонетической категории, ключ 讠 xīn обозначает принадлежность значения иероглифа к психологическому состоянию, а 俞 yú, кроме фонетических функций, еще имел значение «челн», поэтому изначальное значение было «иметь настроение, как у челна в воде», то есть быть радостным (李学勤, 2013, с. 938). В китайском языке существует только 3 чэньюя, которые с помощью морфемы 愉 yú описывают состояния радости: 轻松愉快 qīngsōng yúkuài «легкость и радостность», 神清气愉 shén qì yú «радость и духовное наслаждение», 心旷神怡 xīn kuàng shén yú «простор сердца и эйфория души». Можно заметить, что все три идиомы связаны с радостным и непринужденным состоянием человека, что, безусловно, играет большую роль в мышлении китайцев. Если мы обратим внимание на школу поэзии полей и садов, то заметим, что все известные поэты данного направления изначально занимали хорошие должности в государственном аппарате, но по разным причинам стали жить в тиши и перестали интересоваться государственными делами, и одной из причин такого поступка явилась радость от минимализма. Также важно отметить, что такие выдающиеся поэты данного направления, как Тао Юаньмин, Ван Вэй или Мэн Хаожань, и их стихотворения в современном Китае изучаются начиная с младшей школы и являются общеизвестными, что показывает актуальность морали внутренней непринужденности и радости даже в современном Китае.

Заключение

В обобщенном виде мировоззренческое различие представлений русских, французов и китайцев о радости может быть продемонстрировано следующим образом (Таблица 1).

Таблица 1. Мировоззренческое различие представлений русских, французов и китайцев о радости

Базовые признаки	Русский менталитет	Французский менталитет	Китайский менталитет
Истоки	Радуга	Плотские утехы	Праздник
Актуальные связи	Душа, альтруизм	Выставление напоказ, удовлетворение	Музыка, скорость работы, открывание внутреннего мира, удовлетворение
Образ	Ангел, огонь, пьянящий напиток	Человек, огонь, текст	Абстрактный бог, не имеющий своего конкретного образа
Членение ситуации	3 слова: радость – нейтральное, восторг – коротко длящееся сильное чувство, ликование – радость толпы	2 слова: joie – нейтральное, jubilation – радость толпы	5 слов: 快乐 kuàilè – длительная, счастливая радость, 高兴 gāoxìng – высокая, краткосрочная радость, 开心 kāixīn – низкая, краткосрочная радость, удовлетворение 喜悦 xǐyuè – внутренняя радость, которой хочется поделиться 愉快 yúkuài – радость, появляющаяся при особом взгляде на жизнь
Человек	Активен	Активен	Активен
Влияние	Славянское, христианское	Античное	Народные представления

В перспективе планируется исследовать другие абстрактные понятия в русской, французской и китайской культурах для выявления общей наивной картины мира.

Источники | References

1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры / вступит. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; пер. под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М., 1990.
2. Пеньковский А. Б. Радость и удовольствие в представлении русского языка // Логический анализ естественного языка. Культурные концепты / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 1991.

3. Успенский В. А. О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. М., 1979. Вып. 11 / под ред. А. И. Михайлова.
4. Фромм Э. Иметь или быть? М., 1990.
5. 陈政. 字源谈趣. 南宁: 广西人民出版社, 1986年 (Чэнь Ч. К разговору об этимологии. Наньнин: Народное издательство Гуанси, 1986).
6. 杨萍. 阿弥陀经. 北京, 1997年 (Ян П. Амитабха Сутра. Пекин, 1997).

Информация об авторах | Author information

RU**Голованивская Мария Константиновна¹**, д. филол. н., проф.**Ефименко Николай Александрович²**^{1, 2} Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова**EN****Golovanivskaya Maria Konstantinovna¹**, Dr**Efimenko Nikolai Aleksandrovich²**^{1, 2} Moscow State University¹ golovanivskaya@gmail.com, ² efimenko200205@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 16.10.2022; опубликовано (published): 30.11.2022.

Ключевые слова (keywords): языковая картина мира; контрастивное исследование; концепт радости; лингвокультурология; семантический анализ; linguistic worldview; contrastive study; concept of joy; linguoculturology; semantic analysis.